

Семья Сы в очередной раз собралась вместе с супругами Янь. В отличие от прошлой встречи, когда обстановка была накалена до предела, на этот раз все сдерживали эмоции и вели себя подчеркнуто вежливо.

— Дядюшка Сы, мы дали детям еще один день, чтобы они получше узнали друг друга. Как бы то ни было, сегодня мы должны прийти к какому-то решению, — осторожно начала госпожа Янь.

— Разумеется, — старик Сы бросил взгляд на сидящего рядом Сы Юньи. Он не понимал, почему младший сын решил потянуть время еще на сутки.

— Тогда, может, позовем детей? — госпожа Янь слегка улыбнулась. — На самом деле, если результат будет таким же, как вчера, ничего страшного. Мы совсем не против, если Цзюньле войдет в боковую ветвь семьи Сы, лишь бы они не попрекали его деревенским происхождением.

— Только не нужно собирать их всех вместе! — при воспоминании о вчерашнем бедламе у старика Сы разболелась голова. Поразмыслив, он медленно произнес: — Сделаем иначе. Разошлите детям сообщения: если кто-то из них готов принять старшего сына Янь, пусть придет в его комнату и оставит ему какую-нибудь личную вещь.

Старик Сы отдал распоряжения своим детям:

— Мы подождем здесь полчаса. По истечении этого времени позовем всех обратно и посмотрим, есть ли у Чу Цзюньле что-то в руках. Если нет, значит, Чу Цзюньле отправится в боковую ветвь.

— Прекрасный план, — тут же рассыпались в похвалах супруги Янь, ни капли не заботясь о дальнейшей судьбе собственного старшего сына.

Сы Юньи сидел на своем месте, равнодушно наблюдая за тем, как брат и невестка торопливо строчат сообщения, а чета Янь остается безучастной. Он опустил голову и начал вертеть в руках чайную чашку, его темные ресницы, скрытые за стеклами очков, были опущены, и он не проронил ни слова.

Время летело быстро. Супруги Янь оживленно беседовали со вторым братом и его семьей, а невестки из рода Сы обсуждали свои темы. Старик Сы было хотел переговорить с младшим сыном, но увидел, что тот встал и направился к выходу — видимо, шумная обстановка была ему не по душе. Старик знал, что младший всегда ценил покой, поэтому, глядя ему вслед, лишь проглотил готовые сорваться с языка слова.

Сы Юньи тихо поднялся наверх и остановился перед гостевой комнатой Чу Цзюньле. Он слегка постучал в дверь.

Внутри слышалось движение. Чу Цзюньле, по-видимому, был настороже: посмотрев в глазок и убедившись, кто пришел, он немедленно распахнул дверь.

— Господин Сы.

Чу Цзюньле изо всех сил старался скрыть промелькнувшую в душе радость, чтобы она не выглядела слишком очевидной.

Сы Юньи взглянул на часы: до истечения получасового срока оставалось семь минут.

— Кто-нибудь приходил? — Сы Юньи вошел в комнату и окинул взглядом аккуратную обстановку.

— Нет.

Чу Цзюньле не понимал, что происходит, но послушно следовал за Сы Юньи, быстро качая головой. Сы Юньи помолчал, затем повернулся к нему:

— Ты обязан породниться с семьей Сы вместо Янь Аня?

Чу Цзюньле вздрогнул. Встретившись взглядом с его разумными и сдержанными глазами, он вспомнил слова госпожи Янь о том, что все его долги будут списаны, и тяжело кивнул. В этом мире нет боли, от которой хотелось бы избавиться больше, чем от оков, которыми стали долги перед родителями.

Сы Юньи посмотрел на него и присел на диван, молча ожидая последние минуты.

— Я... я знаю, — Чу Цзюньле вспомнил информацию, которую удалось вывести во время игры в карты, и в его глазах проступила горечь. — Я неотёсанный и глупый, никто меня не любит. Родители хотят отдать меня в боковую ветвь семьи Сы, и, возможно, моя жизнь превратится в ад.

Но другого выхода действительно не было.

Сы Юньи смотрел на Чу Цзюньле, который уставился в пол. В такие моменты было трудно связать этого человека с тем жестоким и властным мужчиной, которым он станет, вернув память.

— Я однажды... был в приюте для бездомных собак, — голос Чу Цзюньле прозвучал глухо. — Собак, которых никто не забирал в течение ста дней, усыпляли. Кажется, они чувствовали свою судьбу: стоило кому-то появиться перед ними, как они начинали вилять хвостом, пытались казаться самыми милыми и смысленными. В тот день я увидел собаку, которая ждала уже

девятью восемь дней.

Чу Цзюньле медленно поднял голову и посмотрел на мужчину напротив. Его глаза покраснели, но уголки губ пытались изобразить улыбку.

— Я думал, что она будет активнее других тянуться к людям, но она просто замерла. Кажется, теперь я понимаю, что она тогда чувствовала.

В слегка влажных темных глазах Чу Цзюньле таилось глубокое отчаяние. Сы Юньи затаил дыхание. В его памяти всплыл образ человека, запертого в подвале, сидящего босиком на деревянной кровати в ожидании дождя.

Оставалось три минуты. Сы Юньи прислушивался к звукам в коридоре и следил за секундной стрелкой. Время шло, но никто так и не пришел.

Когда минутная и секундная стрелки совпали, Сы Юньи поднял руку и одной рукой расстегнул часы. Чу Цзюньле смотрел на мужчину перед собой и на часы в его длинных белых пальцах. Синий циферблат, платиновый браслет — роскошь, которой он никогда не касался.

Сы Юньи разжал пальцы. Часы упали, словно падающая звезда, и Чу Цзюньле машинально подставил ладони, поймав эту изящную и дорогую звезду.

Сы Юньи встретился с ним взглядом, видя в его глазах замешательство и трепет.

— Они тебе пригодятся.

Когда Сы Юньи вернулся в гостиную, отведенное время истекло. Младшее поколение вместе с Чу Цзюньле снова вошли в зал. Старик Сы, видя, как внуки переглядываются с довольными лицами, решил, что они уже избавились от всех проблем.

— Малыш Чу, — старик Сы уже сделал свои выводы, но все же спросил: — За последние полчаса кто-нибудь передал тебе какую-нибудь вещь?

Чу Цзюньле не понимал, зачем старик об этом спрашивает, и инстинктивно посмотрел на того, кто сидел рядом с ним. Господин Сы не спеша попивал чай. На его тонком запястье чего-то не хватало, и только Чу Цзюньле знал, где находится эта вещь.

— Дедушка, можешь не спрашивать, — старший внук Сы Бэйчэн сделал шаг вперед с улыбкой на губах. — Никто из нас ничего ему не дал.

Чу Цзюньле в недоумении посмотрел на них.

— Что, родители опять тебе ничего не сказали? — третий внук, заметив растерянность Чу Цзюньле, сразу все понял. С насмешкой взглянув на чету Янь, он обратился к Чу Цзюньле: — Чтобы сохранить твое лицо, дедушка велел нам провести тайное голосование. Кто хочет, чтобы ты стал зятем, тот должен был отдать тебе личную вещь. За полчаса, заметь! Ремень, который ты выиграл у меня раньше, не считается.

Услышав это, Чу Цзюньле на мгновение замер. Внезапно его словно ударило током: кровь прилила к лицу, а сердце чуть не остановилось. Часы, похожие на падающую звезду, лежали у него на груди. Осознание того, что произошло, накрыло его волной невероятного счастья, от которого закружилась голова, а дыхание сбилось.

Это правда?! Или он просто вообразил? Разве может ему так повезти?

— Ты в порядке? — третий внук, увидев, что Чу Цзюньле пошатнулся, поспешно отступил назад, сохраняя дистанцию. — Только не вздумай притворяться!

— Чу Цзюньле, не смей разыгрывать перед нами этот спектакль! — госпожа Янь, глядя на старшего сына, нахмурилась и недовольно прикрикнула. — Дедушка Сы спрашивает — отвечай честно. Ничего не получил — значит, не получил. У тебя такие плохие условия, что никто тебя не выбрал, это естественно. Не притворяйся, будто мы тебя дома обижаем!

— Я получил! — Чу Цзюньле прижал руку к груди, где лежали часы. Его голос прозвучал твердо, а кончики пальцев дрожали от возбуждения. — Я получил!

— Чушь! — лицо старшего изменилось. — Мы тебе ничего не давали!

— Малыш Чу, покажи, что ты получил, — старик Сы нахмурился, понимая, что ситуация усложняется.

На глазах у всех Чу Цзюньле осторожно достал из нагрудного кармана дорогие часы и бережно положил их на ладонь. Увидев, что он действительно что-то принес, младшие члены семьи остолбенели.

— Это твое? — тихо спросил старший у второго.

— Я сам хотел спросить, твое ли это, — понизил голос второй.

— И не мое тоже? — третий внук был в полном замешательстве.

Четвертая сестра покачала головой, и в итоге все взгляды невольно устремились на самого младшего, Сы Бэйци.

— У вас что, с головой не в порядке? — Сы Бэйци посмотрел на старших как на идиотов, поднял четыре пальца и воскликнул: — Мне всего три года!

— Что происходит? — старик Сы тоже запутался: вещь есть, а хозяина нет.

— Это мое.

Раздался спокойный, ясный голос. В зале на мгновение воцарилась тишина, а затем все взгляды сфокусировались на одном человеке.

Сы Юньи равнодушно принял всеобщее внимание и слегка поманил Чу Цзюньле пальцем. Тот просиял, сердце его бешено колотилось от восторга. Сжав часы в руке, он быстро подбежал и встал рядом с Сы Юньи.

— Какого черта?! — Сы Бэйчэн не сдержался и выругался. Как такое возможно? Дядюшка выбрал этого деревенщину и взял его в зятя?!

— Должно быть, я еще не проснулся, — второй внук сделал несколько глубоких вдохов, зажмурился и ущипнул себя за бедро. Открыв глаза, он снова увидел Чу Цзюньле, который стоял рядом с Сы Юньи и улыбался так широко, что, казалось, вот-вот порвет рот.

Третий внук был в шоке, глядя на свою мать, чья челюсть едва не отвисла до пола. Похоже, не он один получил такой удар.

Глядя на Чу Цзюньле, который рядом с дядюшкой готов был вилять хвостом от радости, Сы Сюаньсюань инстинктивно хотела закрыть глаза маленькому кузену, но тот отпихнул ее руку и произнес:

— Беда, мы ведь обижали дядюшкиного избранника.

После этих слов лица присутствующих изменились. Кто бы мог подумать, что этот деревенский пес вдруг взлетит так высоко!

— Могу я сказать, что я с вами не заодно? — искренне спросил Сы Бэйци, глядя на братьев.

Сы Юньи не обратил внимания на их реакцию. Он развернул кресло к супругам Янь, и его взгляд за стеклами очков наполнился холодной властью:

— Госпожа Янь, давайте обсудим детали помолвки.